

УДК 616.89-02:355.4

МЕНТАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

© 2014 г. П. И. Сидоров

Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск

Террористические гражданские войны давно полыхают во многих регионах, уничтожая национальные культуры и экономические уклады, останавливая и поворачивая вспять цивилизационное развитие стран и народов [6].

Взорвавшая общественное сознание Русского Мира «Одесская Хатынь» заставляет внимательно и ответственно рассмотреть новую славянскую феноменологию начинающейся террористической гражданской войны, «приуроченной» к 400-летию окончания «Русской Смуты» — крупнейшей генерализованной деструктивной социальной эпидемии в истории страны или к 100-летию начала Первой мировой войны и последующего кроваво-красного Октябрьского переворота.

Задачей статьи является концептуально-методологическое обоснование терроризма как полимодального зависимого расстройства, фрактальной динамики развития деструктивной социальной эпидемии терроризма на синергетической биопсихосоциодуховной методологии ментальной медицины.

Ментальная синергетика терроризма

Обобщенно и несколько условно синергетическая концепция развития социальных эпидемий терроризма представлена в таблице. В иллюстрации приведены только основные маркеры динамического расстройства, имеющего огромную поливалентность и многовариантность, связанных с клинико-психопатологической и соматоневрологической, социально-психологической и духовно-нравственной личностной типологией, а также с формами и траекториями эпидемического развития.

Для удобства восприятия синергетическая эпидемическая модель приведена в плоскостной проекции, хотя она многомерна и нелинейна, неустойчива и незамкнута. Траектории развития задаются и корректируются в точках бифуркации, приобретая спиралеобразность и многовариантность. На смену линейной нозоцентрической динамике с традиционными этапами и стадиями приходят нелинейная дискретность и фрактальность. Фрактал — это проекция на широкое естественнонаучное поле квантовых представлений. Фрактал — интервал развития диссипативной системы со своими внутренними механизмами самоорганизации и саморазвития, многовариантными траекториями движения в многомерном пространстве. В таблице приведен только прогрессивный вариант эпидемического развития терроризма в четырех взаимозависимых плоскостях социогенеза и психогенеза, соматогенеза и анимогенеза. Эпидемичность расстройства и его индивидуальные траектории развития определяются уникальным сочетанием разнообразных биопсихосоциодуховных факторов, эффективностью защитно-компенсаторных и адаптационных механизмов, технологий

В статье обосновано отнесение терроризма к полимодальному зависимому расстройству. Выделен новый синдром краудинг-терроризма (англ. crowd – толпа) как массовый вариант садистической агрессии и вандализма. В развитии пандемии терроризма обосновано выделение трех донологических фракталов: predispositions – моббинговой семьи; latentного – буллогенных диатезов; initialного – массового краудинга и трех нозологических: дебюта – социальной эпидемии терроризма; хронизации – деструктивной социальной эпидемии терроризма; исхода – пандемии терроризма и терминальных осложнений. **Ключевые слова:** пандемия терроризма, краудинг-терроризм, буллинг-терроризм, моббинг-терроризм, террористическая война, «террористический мир», цивилизационный суицид

Фрактальная динамика эпидемического развития терроризма

Вектор онтогенеза	Донозологические фракталы			Нозологические фракталы		
	Предиспозиции: моббингогенная семья и/или среда	Латентный: буллингогенные диатезы	Инициальный: массовый краудинг	Дебюта: социальная эпидемия	Хронизации: деструктивная социальная эпидемия	Исхода: пандемия и терминальные осложнения
Соматогенез	Наследственная соматическая отягощенность	Нарушения нейропроцессов	Соматоформные дисфункции	Соматизированное расстройство	Коморбидное психосоматическое заболевание	Соматоневрологические осложнения и деградация общественного здоровья
Психогенез	Психопатологическая отягощенность	Полимодальная психопатизация личности	Асоциальная и/или зависимая личность вне личностного расстройства	Асоциальное и/или зависимое расстройство личности	Асоциальное и/или зависимое развитие личности	Психический дефект и деструкция общественного сознания
Социогенез	Нарушения структуры и функции семьи	Нарушения социализации личности	Непатологическое зависимое и/или асоциальное поведение	Патологическое зависимое и/или асоциальное поведение	Социальная декомпенсация	Социальная дезадаптация и дегуманизация социума
Анимогенез	Духовно-нравственная дефицитарность семьи	Нарушение формирования нравственных чувств	Деформация нравственного облика	Утрата нравственной позиции	Аморальное и противоправное поведение	Серийная преступность и суицидальный терроризм, деморализация общественного сознания

и методов ментальной превентологии и ментальной медицины.

Анимогенез (онтогенетическое духовно-нравственное развитие личности) начинается во фрактале *предиспозиции – моббингогенной семьи (и/или среды), отличающейся духовно-нравственной дефицитарностью и амбивалентностью*, высокой частотой асоциальных и зависимых расстройств у родителей и ближайших родственников, разнообразными формами насилия и притеснения, придинок и запугивания, оскорблений и насмешек, грубости и обмана, морального прессинга и изоляции.

Раннее навязывание в детском и подростково-юношеском возрасте роли и образа «моббинг-мишени» приводит к «моббингогенной сенсбилизации» внутреннего мира, формированию извращенных и упрощенных ментальных моделей межличностного взаимодействия и поведения. Такая семья и миллисоциальная среда аномичны и пермиссивны по своей природе, с высокой вероятностью изначально маргинализируют и дегуманизируют нравственно-ценностные основы личности.

В *латентном фрактале буллингогенных диатезов* появляются защитно-компенсаторные и протестные злобно-агрессивные поведенческие реакции самоутверждения, усиливающие поляризацию отношений и изоляцию. **Нарушается формирование первичных нравственных чувств:** совести и долга, веры и ответственности.

Деформация духовного развития проявляется искажением самооценки и непониманием смысла жизни, неготовностью и уходом от полноценного индивидуально-ответственного поведения, неразвитостью нравственного самосознания и моральной ответственности.

В *инициальном фрактале начальных массовых вспышек краудинга* (англ. crowd — толпа; массовые формы садистической агрессии и вандализма) в уличных компаниях и подростковых бандах, разнообразных легальных и нелегальных движениях болельщиков и фанатов, экстремистов и радикалов происходит тренинговое и практическое поведенческое закрепление **деформированного нравственного облика**, закладывающего основы развития синдрома деморализации. Задержка и дисгармония развития основ нравственного облика проявляется отсутствием терпения и толерантности, милосердия и гуманизма, чести и достоинства; дефицитарностью и дисгармоничностью творческого потенциала в духовной и предметно-продуктивной деятельности; неготовностью и неспособностью к социальной и профессиональной мобильности, непрерывному развитию и образованию; манипулятивностью сознания и подверженностью националистическим провокациям; болезненному переживанию ущемленной национальной гордости и ксенофобии; стереотипизацией реагирования на вызовы и трудности исключительно агрессией и вандализмом.

Во *фрактале дебюта социальной эпидемии терроризма* утрачивается **просоциальная духовно-нравственная позиция личности и формируется синдром террористической деморализации** со снижением способности различения добра и зла, дружбы и любви, аморфностью и дефицитарностью личности, низкой самокритичностью и расстройством идентичности, стереотипизацией видения перспективы жизни исключительно в жертвенной борьбе за «правое дело», неспособностью осознания ценности человеческой жизни. Краудинг-террористов отличает архаичная и бинарная этическая картина мира со стертыми гранями между реальностью и

фантазиями. Они фиксированы на доминирующих представлениях об исторической травме своей нации и искаженно-мифологизированном образе врага, пребывая в плену навязчивых идей мессианства и особого смысла жизни с подвижническим служением во имя справедливости и исторического возмездия. Их отличают легкость восприятия и пренебрежение многочисленными трудностями адаптации к общественным устоям и моральным правилам, склонность «решать вопросы» исключительно быстрыми и простыми способами насилия, предпочтение примитивных стилей ментальной репрезентации и вооруженной агрессии, с религиозным ритуальным освещением «праведной борьбы», культивированием героизированных представлений о мученической смерти и искупительной загробной жизни.

Фрактал хронизации деструктивной социальной эпидемии терроризма представлен различными типами и формами развития аморального и противоправного поведения, угрожающих национальной безопасности страны. Синдром террористической деморализации проявляется почти полной утратой принятой в обществе моральной опосредованности поведения, основанной на представлениях о добре и зле, должном и недопустимом, демонстративным пренебрежением любыми моральными обязательствами и отказом от нравственного самоконтроля, несамостоятельностью действий и безответственностью поступков, неспособностью к нравственной самооценке поведения и соблюдению этических норм делового общения, утратой личностной и социальной идентичности, девальвацией правосознания и законопослушности, избеганием личного морального выбора и любой ответственности, проявляющихся анонимностью кибертеррористов и масками на лицах большинства участников террористической гражданской войны.

Фрактал исхода характеризуется максимальным эпидемическим уровнем пандемии, терминальными осложнениями и последствиями для общества и самих террористов. Этическая составляющая тяжелого асоциального развития личности, достигающего с коморбидными и ассоциированными расстройствами уровня психического дефекта, делает террориста абсолютно невосприимчивым к контраргументам и разубеждению, приводя к утрате прагматизма и рациональности, отсутствию страха и раскаяния, сверхценной героизацией жертвенной смерти и подвига мученичества в террористической гражданской войне.

Все это позволяет боевикам-манипуляторам легко «создавать» новые и новые генерации суицидальных террористов. Фактически они занимаются **ментальным терроризмом – индивидуальным, деструктивным и корыстным манипулированием сознанием адептов.** Отличие ментального терроризма от традиционных форм пропаганды и агитации только в популяционном формате обще-

ственного сознания, «атакуемого» СМИ. Растущая сетевая интерактивность глобального мира делает информационный фронт ведущим в террористической войне. Реализуемая **СМИ популяционная форма ментального терроризма** представлена «ковровым клеветническим бомбометанием и выжиганием напалмом лжи» общественного сознания стран и народов. Если четверть века назад ещё можно было обсуждать характеристики деструктивного контроля сознания, признаки вербовщика и стадии взаимодействия с психоманипулятором, формы и типы виктимности, механизмы и стратегии воздействия на личность, то сегодня снижается даже необходимость персонифицирования и опосредования деструктивного манипулирования общественным сознанием. Со всем этим эффективно справляются сетевые и системные СМИ и интернет, через которые реализуются культурально-специфические формы управления общественным сознанием.

Серийная и смертельно эквифинальная террористическая война развивается по механизмам зависимого расстройства, когда только теракт-деликт может создавать психоэмоциональную разрядку и наполнять посылными иллюзорными смыслами отчаянную экзистенциальную безысходность, в буквальном смысле закрытых масками «неизвестных солдат».

Развитие синдрома террористической деморализации исключительно многовариантно и предопределено исходной этической типологией личности, этнокультуральными и социально-экономическими, религиозными и политическими факторами среды обитания, все более и более превращающейся в дегуманизованный и деморализованный **«террористический мир»**, подрывающий цивилизационные основы человечества.

Социогенез (онтогенетическое развитие социальных ролей и отношений) во **фрактале predisпозиции** характеризуется высокой частотой разнообразных нарушений структуры и функции моббингогенной семьи, в существенной мере предопределяющих ментальную репрезентацию деструктивных когнитивных моделей дисгармоничных межличностных отношений: культа силы и агрессии, унижений и оскорблений, социальной депривации и изоляции, негативизма и протеста.

В латентном фрактале буллингогенного диатеза в результате нарушений созревания и социализации личности в дисгармоничной миллисоциальной среде происходят дисперсия и инверсия «моббинг-мишени» в «моббинг-террориста», а затем и в «буллинг-террориста», отличающегося особой гиперкомпенсаторной жестокостью и агрессией. Такая личность не имеет психосоциальных ресурсов для продуктивной самореализации в учебной и трудовой деятельности, коммуникативной среде и семейных отношениях. Во многом именно поэтому по компенсаторным механизмам развивается **непатологическое зависимое и асоциальное поведение,**

характеризуемое извращенными обсессивными фантазиями, реализуемыми в садистических и жестоких компульсивных групповых издевательствах над беззащитными животными и уязвимыми сверстниками, подчиненностью собственных интересов той или иной парафилии, длительной фиксацией внимания и снижением способности контролировать погружение в асоциальную зависимость, несамостоятельностью и пассивностью в выборе стратегий поведения и вербального реагирования, само- и взаимоиндукцией при **массовых вспышках краудинг-терроризма в инициальном фрактале**.

Во фрактале дебюта социальной эпидемии терроризма референтное ядро эпидемического очага и его лидеры обнаруживают **патологическое зависимое и асоциальное поведение**, отличающееся наличием эпизодов измененных состояний сознания при реализации психической и физической зависимости, непреодолимостью и компульсивностью асоциальной деятельности, стереотипизацией террористического стиля жизни, синдромом отмены между деликтами и терактами.

Во фрактале хронизации разворачивается деструктивная социальная эпидемия терроризма, имеющая различные инструменты и механизмы при разных видах и формах терроризма, но неизбежно приводящая участников эпидемического процесса к **социальной декомпенсации** и угрожающая национальной безопасности страны в целом.

Во фрактале исхода формируется тотальная социальная дезадаптация на воле или принудительная адаптация к условиям, как правило, пожизненного заключения. Развитие пандемии терроризма сопровождается и корреспондируется с разнообразными социальными маркерами **глобального дегуманизационного кризиса и цивилизационной деградации**: голодом, безработицей, миграцией и т. п.

Психогенез (онтогенетическое развитие психических функций) **во фрактале predisпозиции** в существенной мере предопределен преморбидной психопатологической отягощенностью моббинговой семьи, отличающейся немотивированной психоэмоциональной неустойчивостью и коммуникативной дефектностью. Растущие в такой семье дети, даже на фоне ортодоксальной религиозности и патриархальности, ощущают острый дефицит эмоциональных связей, тяжело переживают раннее лишение родительской заботы и семейного тепла, пытаются их компенсировать склонностью к фантазированию и требованиями повышенного внимания. Частая ранняя психическая травматизация, нередко сопряженная с героизируемой мученической смертью близких и знакомых на глазах будущего террориста, становится матрицей ментальной репрезентации завтрашнего собственного стиля террористической жизни и смерти.

В латентном фрактале буллингогенных диатезов формируются и закрепляются аддиктивные ра-

дикалы психопатизации и ранней деформации личности, проявляясь опережающими злобно-агрессивными вербальными реакциями и импульсивными поступками на любые вызовы и трудности, стереотипизируя агрессивные и аутоагрессивные стили поведения, запуская механизмы гиперкомпенсаторной «асоциальной истерии» и полимодального асоциального зависимого расстройства. Такая личность, сталкиваясь даже с банальными жизненными препятствиями, может давать разнообразные социально-стрессовые расстройства, ускоряя процесс формирования первичного зависимого паттерна, который в дальнейшем может многократно менять модальность или форму зависимости, но стойко сохранять асоциальный радикал, поглощающий ядро личности.

В инициальном фрактале массовых вспышек краудинг-терроризма поведенчески реализуются ранее усвоенные ментальные схемы и сценарии асоциального самоутверждения, единственно возможного по имеющимся когнитивным и культуральным личностным ресурсам. У **асоциальной и зависимой личности вне личностного расстройства** появляются яркие реалистичные реминисценции и героизирующие терроризм фантазии на фоне инфантильности и внушаемости, простодушия и чувственной непосредственности, любопытства и высокой поисковой активности, максимализма и эгоцентризма, впечатлительности и нетерпеливости, склонности к риску и вызову опасности, к генерализованной агрессии и вандализму. Только в уголовных бандах, экстремистских и фанатских группировках такая личность получает шанс преодолеть комплекс неполноценности отверженного в просоциальной среде и расстаться с унижительным шлейфом «белой вороны». Вытеснение и дезактуализация обсессивных реминисценций о травматогенной юности, проходившей в многочисленных унижениях и утратах, сопровождается гиперкомпенсаторной потребностью отомстить не только конкретным обидчикам, но и всему жестокому и несправедливому миру за весь свой народ. В этом проявляются психологические механизмы эпидемической генерализации терроризма.

Среди экстремистов и террористов встречаются все 10 типов расстройств личности, описанных в МКБ-10, но для запуска эпидемического процесса наибольшее значение имеют взаимодополняющие асоциальное и зависимое или их радикалы, легко создающие TV-картинки единства «вождей и народа». Эпидемия развивается по механизмам само- и взаимоиндукции, углубляя расстройства личности.

Пограничное расстройство личности — это тяжелая эмоциональная нестабильность и импульсивная агрессивность, нарушения межличностных отношений и саморазрушающее поведение. Распространенность 1,5–2 % среди населения.

Личностное расстройство — это укоренившиеся стили поведения и мышления с ригидными ответными реакциями в чрезмерно выраженных формах. Распространенность 6–18 % [2].

Если во времена К. Schneider [7] от этих расстройств страдал как сам больной, так и общество в целом, то сегодня эпидемическое распространение экстремизма и терроризма, мобилизируя механизмы индукции и генерализации, превращает их в глобальную популяционную мутацию, угрожающую цивилизационным суицидом. Кроме того, надо учитывать, что до 30 % населения имеют разнообразные формы зависимостей [4], управляемое социальное переключение модальности которых может быстро приводить к возникновению социальных эпидемий.

Фрактал дебюта социальной эпидемии терроризма представлен чаще всего асоциальными и зависимыми личностными расстройствами у референтного ядра эпидемического очага, индуцирующих сподвижников, в существенной мере входящих в полимодальную зависимую субпопуляцию. Зависимые личностные расстройства характеризуются дефицитностью нормативной социальности и расширением спектра асоциальных проявлений, деформированием личности и эмоциональным выгоранием, неспособностью самостоятельно принимать решения за пределами террористического стиля жизни, частым сочетанием шизоидных черт личности с плохой переносимостью одиночества, что облегчает развитие тревожной депрессии, толкая к совершению абзусов, деликтов и терактов, дающих временную психоэмоциональную разрядку.

Фрактал хронизации деструктивной социальной эпидемии терроризма представлен многовариантными **асоциальными и зависимыми развитиями личности**, в констелляции которых лидирующее положение начинает занимать собственно терроризм, становящийся доминирующей зависимостью. Меняющаяся личностная и социальная идентичность, новые когнитивные схемы и ментальные модели делового взаимодействия позволяют модераторам быстро находить уместные эвфемизмы («красные бригады», «правый сектор» и т. п.), и комплиментарно-компенсаторные лэйблы (комендант, сотник, нац. гвардеец и т. п.), но все это уже не способно изменить сформированное террористическое ядро парафильной личности.

В апреле 2014 г. по всем российским TV-каналам прошли кадры с одним из лидеров Киевского Майдана Александром М., который в камуфляже и с автоматом в руке, как с протезом фаллоса, садистически угрожал депутатам Ровненского областного совета и избивал прокурора области. На других кадрах он же в мазохистическом экстазе заходится от ударов женскими каблуками по голове. Безусловно, скрининговые интернет- и TV-картинки могут позволить высказать лишь предположение о садомазохизме или множественном расстройстве сексуального предпочтения, представленном чаще всего комбинацией таких парафилий, как фетишизм, трансвестизм и садомазохизм. Продолжения столь клинически яркой иллюстрации парафильности уверовавшего в свою

мессианскую роль боевика продюсеры украинской трагедии допустить просто не могли. Этот «телегерой» был обречён с момента дебюта на большом экране. **Террор внутри террористического сообщества — это закон моральной аномии легиона наёмных убийц.** Отнесение парафилий к зависимым расстройствам [1], а также моббинга, буллинга и краудинга [6] позволяет и **терроризм рассматривать как самостоятельный вид полимодального зависимого расстройства.**

Можно не сомневаться и в том, что аудиовизуально засветившиеся участники массового садистического убийства и сексуального насилия в «Одесской Хатыни» также никогда и никакой международной комиссией обнаружены уже не будут.

Оружие у террористов, кроме прямого назначения, это и **гиперкомпенсаторный атрибут, маскирующий**: неспособность принимать решения без советов старших и финансирующих наставников; готовность беспрекословно делегировать им полномочия в принятии важнейших решений; опережающую готовность соглашаться с хозяевами из страха быть отвергнутым, даже при осознании того, что те не правы; затруднения начать какое-либо дело самостоятельно; готовность добровольно идти на выполнение рискованных и опасных заданий с целью получить вознаграждение и одобрение заказчика; плохую переносимость одиночества и готовность предпринимать любые усилия, чтобы его избежать; ощущение опустошенности или беспомощности при выпадении из своей «национальной гвардии»; легкую ранимость и манипулятивную уязвимость, охваченность тревогой и страхом быть отвергнутым, толкающие на новые и новые деликты и теракты.

Во фрактале исхода можно ожидать психический дефект, существенно отличающийся при различных формах террористической асоциальной зависимости: от синдрома эмоционального выгорания и деструктивного профессиогенеза при моббинг-, буллинг- и краудинг-терроризме до психоорганического синдрома при травматических поражениях мозга или химических зависимостях.

Эскалация террористической гражданской войны неизбежно приводит к нарастанию **деструкции общественного сознания как интегрального качества ментального здоровья нации.**

Соматогенез (онтогенетическое развитие соматических функций) относится к наименее разработанным аспектам. Общепризнанную важную роль играет неспецифическая наследственная отягощенность (**фрактал predisпозиции**), неблагоприятные интра- и перинатальные воздействия. Ответом на разнообразные вызовы и трудности могут быть различные нормативные психосоматические реакции, которые в дальнейшем переходят в функциональные психосоматические расстройства — органичные неврозы (**латентный фрактал**) и соматоформные расстройства, клинически описывающие индивидуальные

особенности формирующегося «синдрома отмены» (**инициальный фрактал**). Тяжесть возможных соматизированных расстройств (**фрактал дебюта**) и коморбидных психосоматических заболеваний предопределяется длительностью «синдрома отмены», нежеланием и неспособностью деформированной личности добиваться психоэмоциональной разрядки в рамках адаптивного и просоциального поведения (**фрактал хронизации**).

При всех формах социальных эпидемий отсутствует параллелизм в выраженности психических и соматоневрологических, духовно-нравственных и социально-психологических расстройств. Если химические зависимости дают в соматогенезе эволюцию расстройств, существенно связанных с токсическим агентом, то нехимические зависимости в качестве компенсаторного варианта развития чаще имеют коморбидные психосоматические заболевания. Это принято называть механизмом соматизации зависимости. **Во фрактале исхода** можно ожидать различные соматоневрологические осложнения, а на уровне общественного здоровья регресс и деградацию. Понятие коморбидности базируется не столько на традиционном представлении о сочетаемости патологии, сколько на этиопатогенетическом единстве всех форм зависимого поведения [3].

Признаки зависимости могут обуславливать опасные агрессивные действия в рамках само- и взаимовынуждения при социальных эпидемиях терроризма и проявляться в следующих классических синдромах:

1) **синдром измененной реактивности** представлен учащением деликтов и терактов, ростом мультимодальной толерантности и садистической агрессивности, оскудением и истощением внеэпизодной нормативной социальности;

2) **синдром психической зависимости** проявляется обсессивным влечением, состоянием психического комфорта в девиантной и криминальной ситуации, изменением и извращением формы переживания деликта и теракта;

3) **синдром физической зависимости** представлен компульсивным влечением, состоянием физического комфорта в девиантной и криминальной ситуации, изменением и извращением форм проявления деликта и теракта, «синдромом отмены».

Синдромы психической и физической зависимости детерминируют многоэпизодность и принудительность эпидемической генерализации асоциального зависимого поведения, произвольность его возникновения, трудность преодоления аномального влечения в начавшемся эпизоде, влияют на степени свободы при выборе поведенческого паттерна и тем самым выступают психопатологической основой возможных опасных серийных действий [1]. «Одесская Хатынь», к сожалению, только начало...

Рост толерантности выступает психопатологической основой нарастания степени агрессивности и

аутоагрессии, тяжести повторно и серийно совершаемых деликтов и терактов.

Внеэпизодная динамика социальной эпидемии терроризма проявляется нарастающим деструктивным профессиогенезом, эмоциональным выгоранием и деформацией личности, развитием ассоциированных и коморбидных психосоматических расстройств.

Принципиально важно подчеркнуть, что **модель «синергетического человека» позволяет обрести единую биопсихосоциодуховную методологию анализа всех эпидемических форм зависимых расстройств – от алкоголизма и наркотизма до фанатизма и терроризма, коррелируясь с приоритетными направлениями развития ментальной медицины** [5].

Цивилизационный суицид: исход «террористического мира» или тень от голливудской иллюзии

Двадцатый век закончился искусственным рождением в социально-технологических центрах ведущих мировых держав **симулякра «террористического мира» – дегуманизованного и деморализованного, интолерантного и агрессивного**. Формально-инерционное существование института международного права обнаруживает полную беспомощность в практике медиации этнических и религиозных, гражданских и военных конфликтов. Позиция Совета безопасности ООН всё чаще становится интересной только самому Совету. Иронией истории воспринимается Международный Гаагский трибунал победителей над побежденными, демонстрирующий всего лишь циклический возврат к архаичному праву сильного над слабым.

Важной характеристикой эволюции террористического мира является всё более **ускоряющееся размытие и разрушение духовно-нравственных основ традиционных обществ – латентный ментальный терроризм**. Ярким тому свидетельством является убедительная победа на Евровидении (май 2014 г.) изящной бородатой австрийской «певицы», ставшая коллективным выстрелом на брудешафт в культуру и духовность Старого света. То, что мишенью была именно мультикультуральная и деморализованная Европа, говорит форма бороды. Если бы эта «ментальная террористическая бомба» посмела бы выступать с окладистой бородой в «стиле Бен-Ладена», шансов дожить до финала у неё было бы немного. Такой вызов исламскому фундаментализму мог бы взорвать не только Евровидение, но и всю Европу.

Своеобразным пафосным символом размывания границ между террористической войной и террористическим миром стали боевые вертолёты с символикой ООН (UN), участвующие в «антитеррористической операции» Киевских властей на юго-востоке Украины (14.05.14)

Широко практикуемый в последние десятилетия **легитимизированный политический терроризм**

в виде системных и эшелонированных санкций, направленных фактически на уничтожение стран и народов в экономических и геополитических интересах транснационального олигархата, является по существу бесконтактным и формально невоенным инструментом массового поражения в современном «террористическом мире». Более того, этика международных отношений по-прежнему формально соблюдается в вербально-виртуальных партнерских заклиниях. В этом отношении уникальной психологической иллюстрацией является пресс-конференция Президента США Б. Обамы в Южной Корее (25.04.14), когда он заявил о готовности продолжить сотрудничество с Россией в борьбе с терроризмом. На фоне новых и новых санкций (США применяли санкции к 97 странам из 242) такое партнерство выглядит трогательным голливудским взаимодействием мишени и летящей в нее пули. Сама же риторика говорит о глубокой ментальной инерционности, категорически отрицающей многовариантность и многомерность восприятия картины мира.

Еще более ярко это проявилось в первом раунде дебатов претендентов на пост председателя Европейской комиссии (29.04.14), когда участники практически дружно признали *беспрецедентный рост и политическую легитимизацию экстремизма и неофашизма*. При этом увидеть в событиях на Украине пилотную модель завтрашней полыхающей Европы они не смогли или не захотели. Работают психологические и политические механизмы вытеснения и отрицания. Хотя буквально «американскими пирожками на Майдане вымощена дорога в кризис», как образно сказал Президент России В. В. Путин в Минске (29.04.14).

Особенностью развития любых эпидемий является то, что на таможне они не останавливаются и дипломатический протокол категорически не соблюдают. Хорошо известны сроки инкубационных периодов всех особо опасных инфекций биотерроризма. «Украинская модель» запуска социальных эпидемий моббинг-, буллинг-, краудинг- терроризма позволяет в рамках синергетической методологии просчитывать и прогнозировать цепные реакции взрывов общественного сознания и траекторий развития хаоса буквально от момента «ментального инфицирования» до «ментальной репрезентации». Особо впечатлила скорость эволюции профашистского «правого сектора» сначала в национальную гвардию, а затем де-факто в откровенно полицейские и террористические карательные отряды, в которых и начинали свою деятельность их отцы-основатели. Устроенная ими «Одесская Хатынь» стала чудовищным прологом славянской террористической гражданской войны. Продюсерам и постановщикам украинской трагедии прекрасно известно, что искусственные мутации «ментальных вирусов» не только усиливают их контагиозность, но делают непредсказуемо опасными для всего мира, хотя продукция

«террористической фабрики звёзд» планировалась исключительно для России. Только время может показать скорость выработки и качество *Духовного иммунитета стран и народов к новым и новым ментальным мутациям деструктивных социальных эпидемий*.

Совершенно очевидно, что оппоненты России очень мечтают воспроизвести уникальный опыт исторической самоликвидации СССР из-за стариковской ментальной ригидности Политбюро ЦК КПСС. Пока фольклорно-ритуальная, но завтра, вероятно, по-настоящему драматичная спираль мировых санкций может создать серьезные социально-экономические проблемы. Формы и методы реагирования на такого рода трудности отечественная «ментальная TV-канализация» уже в деталях показала, подготовив потенциальные сценарии возможной повсеместной репрезентации: «мирных акций» в стиле краудинг-терроризма, приготовления и использования патриотических коктейлей Молотова, захвата администраций и складов с оружием и т. п. Все очень конкретно и очень серьезно.

Пока же непрерывные и каждодневные «атаки террористов и контртеррористические операции», чередуясь и переплетаясь в раскручивающейся спирали террористической гражданской войны, уничтожают Малороссию. В свое время Н. Макиавелли говорил: «Хочешь мира — готовься к войне!». Сегодня эта классическая формула может звучать иначе: «Хочешь сохранить контроль над иллюзорно-виртуальным глобальным миром — взорви нравственно-ценностные основы реального человеческого мира». Стремительно развивающаяся пандемия терроризма формирует *террористическо-суицидальную ментальность постпостмодернистского общества*, создавая реальную угрозу запуска сценария цивилизационного суицида.

Информационные фантомы под названием «борьба с терроризмом», «антитеррористическая операция», «контртеррористическое возмездие» — один из главных стратегических мифов современного мира, с помощью которого уже четверть века идет его активный геополитический передел. Ментальная аранжировка информационного фронта террористической войны задается продюсирующими ее геополитическими центрами. Масштабное и очевидное накопление несоответствия информационного обеспечения и ужасающих масштабов «антитеррористических операций» (Афганистан, Ирак и др.) привело к росту этической толерантности общественного сознания, что проявляется эскалацией всё более и более чудовищного насилия: «Одесская Хатынь», похищение террористами 240 школьников в Нигерии и др. Это уже не просто отражение дегуманизации современного «террористического мира», а свидетельства его нарастающей извращенной и патологической моральной аномичности и парафильности.

Пандемия терроризма радикально меняет ба-

зовые представления о цивилизационных основах современного общества. Само признание реальности парадоксального «террористического мира» требует организации жизни по принципу «на войне, как на войне», но можно ли такое существование вообще назвать жизнью? На этот риторический вопрос, безусловно, утвердительно ответят бойцы активно растущих армий охранников и наёмников, тружеников рынка оружия и электронных охранных систем, бронированных дверей и окон, бронешилетов и броневиков и т. п. — всех тех, кто успешно эксплуатирует страх и изящно капитализирует иллюзию защиты и безопасности. Пожар на Украине показал абсолютную иллюзорность и уязвимость как постсоветских социальных и политических институтов, так и новейших социально-инженерных «цветных» конструкторов и концептов. Пора прекращать бесплодные дискуссии, гоняясь за тенью от вчерашних голливудских иллюзий.

Сингулярность современной эпохи, когда в геометрической прогрессии нарастает скорость и сложность научно-технического прогресса, пропорционально остроте и драматизму новых цивилизационных вызовов, в т. ч. в виде деструктивных социальных эпидемий, требует всемерно повышать ментальный резильянс жизнеобеспечения, принимать **«Доктрину ментальной экологии национальной безопасности»** и создавать **службу ментального здоровья** на синергетической биопсихосоциодуховной методологии ментальной медицины. Время простых и линейных узковедомственных стратегий защиты общественного здоровья и общественного сознания безвозвратно прошло.

Первыми шагами в этом направлении могли бы стать разработка и принятие **«Концепции ментальной безопасности населения»**, включающей формы и правила техники безопасности межличностного взаимодействия, интеллектуального труда и социального служения; уменьшение последствий ментальных недугов и укрепление ментального здоровья населения; снижение распространенности эпидемических социальных недугов от алкоголизма и наркомании до экстремизма и терроризма; снижение высоких уровней смертности и инвалидности, агрессии и насилия в обществе; уменьшение социальной незащищенности и виктимности больных и инвалидов; преодоление аномии и перmissивности, деформации общественного сознания и социальной идентичности; формирование многовариантных стратегий адаптивного профессиогенеза и эффективного самоменеджмента.

Предстоит последовательно создать систему духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, призванную радикально повысить качество мультикультуральных «ментальных прививок», укрепляющих **Духовный иммунитет нации ко всем видам эпидемических социальных недугов**. Справиться с такой задачей можно, только

опираясь на системные ресурсы службы ментального здоровья.

Терроризм — это, образно говоря, столб огня и пепла, извергающийся из жерла вулкана-пирамиды современной цивилизации. Мы не первые и не последние на нашей Земле. Скелеты пирамид предшествующих цивилизаций остались туристическими чудесами света, но они же напоминание о том, сколь радикально закончился их исторический цикл. Современный мир насквозь и во всех смыслах пирамидален. **Впереди длинный и трудный фазовый переход в новое качество постпостиндустриального общества, которое неизбежно обречено пересмотреть прежние базовые приоритеты и ценности, радикально усилив гуманистическую составляющую новой цивилизационной парадигмы. Именно в таком гуманитарном строительстве и может состоять уникальная миссия России.**

Список литературы

1. Бухановский А. О., Бухановская О. А., Шостакович Б. В. Психические расстройства у серийных сексуальных преступников. Ростов н / Д : Феникс, 2003. 72 с.
2. Лаукс Г., Мёллер Х.-Ю. Психиатрия и психотерапия : справочник / пер с нем. ; под общ. ред. акад. П. И. Сидорова. М. : МЕДпресс-информ, 2010. 510 с.
3. Менделевич В. Д., Зобин М. Л. Аддиктивные влечения. М. : МЕДпресс-информ, 2012. 264 с.
4. Сидоров П. И. Наркологическая превентология. 2-е изд. М. : МЕДпресс-информ, 2006. 820 с.
5. Сидоров П. И., Новикова И. А. Ментальная медицина : руководство. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2014. 728 с.
6. Сидоров П. И. Пандемия терроризма и синергетика защиты // Психическое здоровье. 2014. № 2. С. 31–40.
7. Schneider K. Clinical psychopathology. New York : Grune and Stratton, 1959.

References

1. Bukhanovskii A. O., Bukhanovskaya O. A., Shostakovich B. V. *Psikhicheskie rasstroistva u seriinykh seksual'nykh prestupnikov* [Mental disorders in serial sex offenders]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2003. 72 p.
2. Lauks G., Meller Kh.-Yu. *Psikhiatriya i psikhoterapiya. Spravochnik* [Psychiatry and Psychotherapy. Guide], per. s nem., ed. akad. P. I. Sidorov. Moscow, MEDpress-inform, 2010, 510 p.
3. Mendelevich V. D., Zobin M. L. *Addiktivnye vlecheniya* [Addictive Inclinations]. Moscow, MEDpress-inform, 2012, 264 p.
4. Sidorov P. I. *Narkologicheskaya preventologiya* [Narcological Preventology]. Moscow, MEDpress-inform, 2006, 820 p.
5. Sidorov P. I., Novikova I. A. *Mental'naya meditsina. Rukovodstvo* [Mental Medicine. Guide]. Moscow, GEOTAR-Media, 2014, 728 p.
6. Sidorov P. I. Terrorism and synergetics of defense. *Psikhicheskoe zdorov'e* [Mental Health]. 2014, 2, pp. 31-40. [in Russian]
7. Schneider K. *Clinical psychopathology*. New York, Grune and Stratton, 1959.

MENTAL ECOLOGY OF TERRORISTIC CIVIL WARS**P. I. Sidorov***Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia*

In the article, there has been proved attribution of terrorism to polymodal dependent disorder. There has been singled out a new syndrome of crowding-terrorism (Engl. crowd) as a mass variant of sadistic aggression and vandalism. In development of pandemics of terrorism, there has been explained isolation of three nosological fractals: predisposition - mobbingogenic family; latent - bullyingogenic dispositions; initial - mass crowding; and three nosological ones: onset - social epidemic

of terrorism; chronization - destructive social epidemic of terrorism; outcome - pandemic of terrorism and terminal complications.

Keywords: pandemic of terrorism, crowding-terrorism, bullying-terrorism, mobbing-terrorism, terroristic war, "terroristic" world, civilizational suicide

Контактная информация:

Сидоров Павел Иванович – академик РАН, ГБОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Адрес: 163000, г. Архангельск, пр. Троицкий, д. 51

E-mail: pavelsidorov13@gmail.com